



DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-214-231

Научная статья

Правовое и этическое регулирование генетических исследований

В.И. Пржиленский

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Российская Федерация
viprzhilenskij@msal.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы регулирования генетических исследований, возникающие благодаря специфике этой области знания, где исследование практически неотделимо от лечения больного, а познавательные практики соединены с разработкой и внедрением новых технических устройств, методик и технологий в значительно большей степени, чем в других областях человеческой деятельности. Проблемы регулирования генетических исследований анализируются в контексте концепции Х. Новотны и Д. Тесты, выделяющей три гуманитарные технологии стандартизации, посредством которых осуществляется контроль над развитием знания о генах. К числу этих трех технологий относятся законодательство, управление типа *governance* и биоэтика, а эффективность их взаимодействия объявляется необходимым и достаточным условием успешного развития молекулярно-генетических наук. В статье последовательно рассматриваются все три технологии, выявляются специфика и трудности их реализации в современной российской науке, оцениваются перспективы генетических исследований исходя из внедрения вышеназванных технологий. Особое внимание уделяется институционализации этических комитетов как элемента системы регулирования генетических исследований. Обосновывается тезис о том, что этические комитеты должны выступать не в качестве структуры, способной осуществлять лишь консультативные и рекомендательные функции, а в статусе института, объединяющего нормотворческую, управленческую и экспертную функции. С успехом в решении этой задачи связывается способность российского общества и государства противостоять большим вызовам современности.

Ключевые слова: генетические исследования, регулирование, право, управление, биоэтика, большие вызовы, этический комитет

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о финансировании. Научное исследование выполнено в рамках государственного задания 075-00293-20-02 от 25.05.2020 г. Номер темы — FSMW-2020-0030 «Трансформация российского права в условиях больших вызовов: теоретико-прикладные основы».

Дата поступления в редакцию: 21 ноября 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 января 2021 г.

© Пржиленский В.И., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Для цитирования:

Пржиленский В.И. Правовое и этическое регулирование генетических исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 214–231. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-214-231

DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-214-231

Research Article

Legal and ethical regulation of genetic research

Vladimir I. Przhilenskiy

Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russian Federation
viprzhilenskij@msal.ru

Abstract. The paper deals with the problems of genetic research regulation stemming from the peculiarities of this area of knowledge where research is practically inseparable from patient treatment, and cognitive practices are connected with the development and implementation of new devices, methodologies, and technologies to a much greater extent than in other areas of human activity. The issues of genetic research regulation are analyzed in the context of the concept suggested by Helga Nowotny and Giuseppe Testa distinguishing three human technologies of standardization through which control over the development of knowledge about genes is exercised. These three technologies are law, governance and bioethics, and the efficiency of their interaction is declared a necessary and sufficient condition for the successful development of molecular genetic sciences. The paper examines all the three technologies one by one, identifies the specifics and difficulties of their implementation in present-day Russian science, and assesses the genetic research prospects assuming the implementation of the aforementioned technologies. Particular attention is paid to institutionalization of ethics committees as an element of the genetic research regulation system. Substantiation is provided for the thesis that ethical committees should act as an institution combining rulemaking, management, and expert functions rather than as a structure capable of performing advisory and recommendatory functions only. The ability of the Russian society and state to withstand the grand challenges of our time is associated with the success in solving this problem.

Key words: genetic research, regulation, law, governance, bioethics, grand challenges, ethics committee

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

Funding information. The scientific research was carried out within the framework of the state assignment 075-00293-20-02 of 05/25/2020. Topic number — FSMW-2020-0030 “Transformation of Russian law in the face of great challenges: theoretical and applied foundations”.

Article received 21st November 2020

Article accepted 15th January 2021

For citation:

Przhilenskiy, V.I. (2021) Legal and ethical regulation of genetic research. *RUDN Journal of Law*. 25 (1), 214–231. (in Russian) DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-214-231

Введение

Новейшие достижения в области генетики делает эту отрасль научных знаний одним из центральных направлений развития науки в целом. А использование этих открытий в медицине и различных отраслях производства превращают генетические исследования в точку сферы масштабного технологического прорыва, последствия которого уже сейчас превосходят самые смелые надежды и ожидания. При этом мечты о бессмертии, о полном контроле над человеческим здоровьем и избавлении от тяжелых наследственных недугов чередуются с обоснованными опасениями, связанными с новыми возможностями вмешательства одних людей в жизнь других, независимо от того, каковы намерения вмешивающихся. Стремительное развитие генетических знаний, а также связанных с ними технических средств и технологий при отсутствии своевременного и эффективного правового регулирования может, с одной стороны, привести к намеренному созданию новых видов оружия, а с другой, — стать невольным орудием индивидуального или даже коллективного самоубийства.

Сочетание исключительной важности генетических исследований для современного общества, а также повышенной их рискогенности, требует создания сложной и многоуровневой системы контроля, каковая могла бы своевременно выявлять и оценивать риски, не становясь при этом препятствием ни в сфере научного поиска, ни в области технико-технологических инноваций. Создание подобной системы невозможно без объединения таких разнородных элементов общества и его институтов как государство, ученые, философы, интеллектуалы, широкие слои образованной общественности.

Научный метод, применявшийся при проведении исследований, результаты которых представлены в настоящей статье, соединяет в себе элементы системного, структурно-функционального, дистинктивно-дескриптивного, дистинктивно-компаративного методов. Цель научного поиска в данном случае — определение условий эффективного взаимодействия трех базовых гуманитарных и социальных технологий, задействованных в регулировании генетических исследований. Автор стремился осуществить рациональную реконструкцию изменений в таких областях знания как философия, наука, право и управление. В центре авторского интереса оказались правовое регулирование процессов производства знаний и их применения, юридическое сопровождение управления знаниями, функционирования систем науки и медицины, а также изменения в связанных с данными системами сферах социальной жизни.

Проблемы правового регулирования инновационного развития в современных обществах

Открытия и изобретения во все времена были способны изменить жизнь человека, в том числе и весьма радикально. Вся дописьменная история человечества, насчитывающая вот уже не одно тысячелетие, фактически представляет

собой рассказ об освоении новых технологий, дополняемый сведениями о перемещениях тех, кто последовательно переходил от камня к железу, от железа к бронзе, от бронзы к меди и т.д. Добавление к археологическим источникам письменных свидетельств позволило историкам проследить связь технологического отставания этнокультурных образований с их последующим вытеснением и исчезновением. Изобретение колеса или приручение диких животных, освоение огня или выращивание растений расцениваются сегодня как события, приведшие к радикальной трансформации обществ вместе с их структурами и институтами, верованиями и ценностями. При этом общества редко оказывались подготовлены к техническим инновациям, требовавшим системной перестройки всего жизненного уклада, прихода к власти новой элиты, формирования нового мышления и т.п. Если это не получалось, народы и государства «уходили с исторической сцены», а на их месте возникали новые этнокультурные образования, этногенез и социогенез которых нередко был связан с новыми видами деятельности, органически связанными с новой техникой и технологией.

О том, как впервые встретили открытие генов, хорошо известно. Вначале казалось, что само существование генов противоречит идее эволюции и учению о естественном отборе как ее движущей силе. Постепенно западноевропейские и североамериканские ученые смирились как с обнаруженными свойствами живых организмов, так и с предложенным их объяснением. Неготовность общества, строящего коммунизм и опирающегося при этом на диалектический материализм, к признанию экспериментально подтвержденного и теоретически обоснованного знания о механизмах биологической наследственности дорого обошлась ученым, занимавшимся исследованиями в этой области. Затем было наказано и все общество, для которого уничтожение научных школ, имевших мировое признание, прямо означало отставание в биологических, медицинских, сельскохозяйственных науках и косвенно, — в организации всей отечественной науки.

Произошло упрощение системы отношений между научным сообществом, властью и обществом. Можно даже сказать, что такое взаимодействие приобрело неконвенциональный и бессистемный характер. Среди самих ученых, не говоря уж о широких слоях общественности, утвердилось представление о том, что администраторы могут, руководствуясь политическими, философскими и идеологическими соображениями, отрицать данные науки и силой навязывать всему обществу свою точку зрения. Такой тип отношений был характерен для средневекового общества, в котором церковь претендовала на право осуществлять контроль над мировоззрением. Но затем, по мере развития науки и свободомыслия, этот архаичный тип социальной регуляции уступал место современному, и церковь отстранялась от руководства умами ученых и всего общества. Не претендовала на такое руководство и светская власть — собственно в этом и состоял пафос общественного движения, именуемого Просвещением. Любая точка зрения, высказанная ученым, критиковалась другими учеными, и лишь научное сообщество считало себя вправе судить о состоятельности

ности той или иной точки зрения. Но идеалы и ценности просвещения довольно скоро были поставлены под сомнение сторонниками концепции социокультурной обусловленности научного знания, а также и идеологической ангажированности ученых. А по мере встраивания науки в современную экономику, все отчетливее становится институциональная и финансовая зависимость исследовательского сообщества от тех, кто разрабатывает и реализует программы развития в сфере науки и образования. Между тем представляется крайне важным модернизировать систему отношений между сообществом ученых, властью и обществом, без чего успешное развитие нашей страны в молекулярную эру представляется невозможным. Это как раз тот самый случай, когда речь идет о большом цивилизационном вызове, от успешного ответа на который напрямую зависит будущее россиян. И решение данной проблемы видится в модернизации инструментов правового регулирования инновационной деятельностью.

Право, управление и биоэтика: гуманитарные технологии молекулярной эры

Европейские исследователи Х. Новотны и Д. Теста отмечают, что регулирование развития генетики осуществляется обществом при помощи трех специальных технологий, которые они называют гуманитарными технологиями стандартизации (Human Technologies of Standardization) (Nowotny & Testa, 2010:68). Авторы подчеркивают, что одна из этих технологий — правовое регулирование посредством закона — имеет весьма древнее происхождение, в то время как две другие возникли уже в XX веке. По мнению Х. Новотны и Д. Тесты, первой из двух новых гуманитарных технологий стандартизации является руководство (governance), а второй — биоэтика.

В данном контексте тезис об одной древней и двух новых технологиях нуждается в рассмотрении. Следует отметить, что тип социальных отношений, когда один человек руководит другими, сам по себе является еще более древним, нежели закон и писанное право. Да и античное учение об индивидуальном благе, названное Аристотелем этикой, не может считаться таким уж новым. Но к середине XX века эти виды деятельности действительно подверглись технологизации и превратились в технологии, подобные производственным технологиям. Прежде власть одних людей над другими означала возможность отдавать приказы и требовать повиновения — она опиралась на искусство повелевать. Сегодня руководство государством (корпорацией, обществом) — это иерархически выстроенный и теоретически обоснованный механизм взаимодействия администраторов и экспертов разного уровня, соединяющий принципы координации и субординации, обеспечивающий управление не только людьми, но и знанием. Не случайно термин «governance» переводят как «корпоративное управление» или просто как «управление».

Точно таким же результатом технологизации социогуманитарных наук, а также интеграции лечебных и правоприменительных практик в XX веке стала

биоэтика. Активное внедрение в процедуры обследования и лечения больных последних результатов развития естествознания и техники поставило перед обществом вопросы, поиск ответов на которые потребовали интеграции прежде обособленных сфер человеческой деятельности: философии, теологии, биологии, медицины, права. Отличительной особенностью этой новой формы знания является необходимость широкого участия в ее деятельности гуманитариев, политиков и широких слоев общественности. При этом Х. Новотны и Д. Теста отмечают активную интеграцию биоэтики в рыночные отношения и даже называют ее универсальной валютой на современном «глобальном рынке морали». Закон как форма регуляции действительно был известен с незапамятных времен, а управление типа *governance*, как и биоэтика, рождается во второй половине XX века. Их отличительная особенность заключается в том, что все три представленных типа человеческой деятельности — законотворчество, принятие решений и вынесение суждений — не могут решить ни одной задачи правового регулирования генетических исследований отдельно друг от друга.

Новые субъекты и новые объекты нормотворчества: рождение биоправа

Почему современное право должно быть подвергнуто модернизации для того, чтобы этот древний регулятор мог эффективно выполнять возложенный на него функционал? Прежде всего потому, что регулируемые объекты и отношения не могут быть рассмотрены заранее, не говоря уж о прогнозировании ситуации, в которой может оказаться исследователь. В противном случае речь будет идти о запретах, которые сделают невозможным любое движение вперед. Опасность такого развития событий отчетливо осознавал основоположник отечественной биоэтики И.Т. Фролов. Как отмечают Г.Л. Белкина и С.Н. Корсаков, «И.Т. Фролов предостерегал от распространения правовых регламентаций на фундаментальную науку, в которой свобода поиска не должна испытывать внешние ограничения, что может затормозить фундаментальные исследования в науках о жизни и человеке. Иван Тимофеевич предлагал более разумный подход, обнаруживающий гуманистические императивы в самой науке» (Belkina & Korsakov, 2008:21–22).

Необходимость нового подхода к идее регулирования осознавалась не только И.Т. Фроловым, к слову сказать, создавшим для этого отдельный научно-исследовательский институт — Институт человека РАН (Pronin, 2015). Примерно в это же время В.С. Степиным был предложен беспрецедентный для отечественной науки научно-исследовательский проект, главной инновацией которого было объединение научного знания и ценностей в рамках предложенной Институтом философии РАН концепции постнеклассической науки. Речь уже не ограничивалась междисциплинарностью или новым синтезом философского и частнонаучного знания. Данный синтез уже не ограничивается областью биоэтики, но претендует на глобальный эпистемологический статус. Главной целью объявлялось органическое соединение науки и ценностей в единую систему, основой которой выступала современная культура, которая, согласно этой

концепции, трактовалась как культура техногенной цивилизации. «Активное обновление предметной среды, — отмечает В.С. Степин, — приводит к уско-ряющимся трансформациям социальных связей людей. В техногенной цивилизации научно-технический прогресс постоянно меняет типы общения и формы коммуникации людей, в ней на протяжении жизни одного поколения могут радикально трансформироваться система социальных связей, виды деятельности, их средства и ценностно-целевые структуры» (Stepin, 2000).

Техногенная цивилизация представляется цивилизацией особого типа: она рождена новейшей техникой, в то время как прежде цивилизация выступала главным источником создания новой техники. Техника и технология, участвующая в формировании коллективного целеполагания и влияния на систему ценностей, наделяется здесь функцией смыслопорождения и смыслообразования. Но кто и как будет осуществлять подобный синтез не на уровне теоретических моделей, а в реальной жизни? И как организовать взаимодействие различных участников этого процесса: ученых, управленцев, нормотворцев, правоприменителей, СМИ и всего общества? Ясно одно, это взаимодействие должны обеспечить взаимодействие технологий, а для этого они сами должны стать технологией.

Как отмечают Х. Новотны и Д. Теста, бурное развитие геномики порождает проблему взаимодействия всех трех гуманитарных технологий между собой, потому что применение каждой из них не может быть автономным и обособленным от двух других: иногда эти технологии стандартизации дополняют друг друга, иногда вступают в противоречие и порождают конфликт. Обращаясь к исследованиям антропологов с целью найти в их открытиях и размышлениях некие универсальные ценности, объединяющие архаичные и современные общества, они цитируют М. Годелье, изучавшего правила дарения и обмена. Французский ученый отмечает, что в изучаемых им культурах не все вещи можно дарить и тем более менять — какие-то предметы должны оставаться с людьми или передаваться по наследству.

Современный человек не очень-то склонен верить в магическую силу амулетов и талисманов, снимая любые ограничения на превращения в товар вещей, прежде считавшихся сакральными или ритуальными. Но в молекулярную эру к вещам привычным добавились новые. И хотя их нельзя называть сакральными в привычном смысле слова, этим новым вещам не место на рынке и позаботиться об этом должны представители первой гуманитарной технологии — законодатели. «Закон должен дать им определение, — убеждены Х. Новотны и Д. Теста, — эмбрионы, химеры и другие гибридные сущности, гены и последовательности генов, а также процессы, посредством которых “вещи” изменяются или вновь изобретаются и производятся, — и определять их место в обществе. Биологические объекты должны быть преобразованы в юридические лица и одомашнены, а права собственности на них должны быть разрешены или отклонены. Социальные отношения, в том числе ранее не существовавшие, должны регулироваться» (Nowotny & Testa, 2010:68).

Право и законодательство рассматриваются как особая гуманитарная технология стандартизации не только в связи с генетическими исследованиями. Философия и религия в своих классических формах всегда были едины в том, что целое больше суммы частей. Х. Новотны и Д. Теста возлагают на законодателей обязанность восстановления единства, разрушенного биологической наукой. Помимо этого, посредством нормативного регулирования удалось решить множество проблем, таких, например, как замена супружеского отцовства биологическим отцовством, уравнивающая в правах внебрачных и супружеских детей. Также превращены в рутинные социальные практики многие искусственные репродуктивные технологии молекулярной эры, такие, например, как суррогатное материнство при экстракорпоральном оплодотворении и др. Сегодня человек может законным образом стать биологическим отцом даже после собственного ухода из жизни.

2017 год принес мировому научному сообществу понимание того, что, редактируя индивидуальный геном, мы тем самым редактируем и геном коллективный. Национальная академия наук, биоинженерии и медицины США пришла к выводу о том, что код ДНК, полученный методом генетического редактирования, должен уже существовать в популяции. В противном случае есть риск распространения заболевания, предсказать которой заранее абсолютно невозможно. «Мы никогда не делали то, — отмечает Дэвид Балтимор, биолог и бывший президент Калифорнийского технологического института, — что может изменить гены человеческой расы, и мы никогда не делали то, что может иметь последствия для будущих поколений» (Regalado, 2018).

Нормотворцы решили немало такого, что стало возможным лишь в наши дни, но не смогло не вызвать вопросы в связи с прежде действовавшими нормами и законами. При этом немало и того, что стало возможно технологически, но подверглось юридическому запрету. Законодатели большинства стран отвергли возможность выращивать одних детей в качестве инкубатора для других, даже если эти другие оказывались попавшими в беду их братьями или сестрами.

Наиболее трудным для нормотворцев был и остается вопрос о регулировании экспериментов в области репродуктивной медицины, направленных на устранение генетических недугов, передаваемых по наследству. Сегодня в странах с высокоразвитой экономикой, образованием и техникой наблюдается эффект старения населения: детей становится все меньше, а потребность в том, чтобы они были здоровыми, — все больше. Это стремление может быть воплощено в жизнь при условии умения регулировать отдельные генетически характеристики будущего потомства. «В эпоху, когда венчурный капитал инвестируется в компании еще до того, как сделаны новые открытия или изобретены новые процессы, возможность патентовать гены и другие биологические объекты столь же экономически привлекательна, сколь и дискутабельна. В судебном споре «Даймонд против Чакрабарты» Верховный суд США в 1980 году заявил, что живые организмы могут быть запатентованы, и выдал патент на генетиче-

ски модифицированные бактерии» (Nowotny & Testa, 2010:70). В разных странах мира выданы уже сотни тысяч патентов на гены людей и животных — эти действия никак не соотносятся с определением правового статуса объектов патентования. Жизнь нередко обязует теоретиков иметь дело с уже свершившимися фактами, предсказать которые они не смогли.

Управление-как-правление (government) versus управление-как-руководство (governance)

Руководство или управление, пришедшее на смену режиму власти-владения, также существенно изменило взаимоотношение общества и генетических технологий. Современное управление как гуманитарная технология стандартизации не является отношением «власть — подчинение», а выступает как сложный и в высшей степени коллективный процесс принятия решения, где администраторы и эксперты лишь участвуют в работе единого и обезличенного механизма. На первый план здесь выходят взаимозависимости и корреляции, когда объекты и субъекты управленческих воздействий постоянно меняются местами, а принцип субординации все более уступает принципу координации. Переход от управления-как-правления (government) к управлению-как-руководству (governance) соответствует делиберативной демократии, когда во главу угла ставится не столько процедура коллективного выбора решения, которому предшествует обсуждение, сколько само обсуждение этого решения.

В концепции делиберативной демократии происходит смещение акцента с формальной и процедурной стороны на содержательную: первая ориентируется на разовые акты голосования, вторая — на продолжающееся обсуждение, включающее в себя в качестве обязательного условия «добрую волю к пониманию». Таким образом, не подчинение меньшинства большинству лежит в основе делиберативной демократии, делиберативной политики и делиберативного руководства, а достижение консенсуса на основе взаимопонимания и взаимосогласия. «Эмпирическую опору понятие делиберативной политики, — отмечает Ю. Хабермас, — получает лишь в том случае, если мы учитываем многообразие форм коммуникации, в которых совместная воля образуется не только на пути этического самосогласия, но и за счет уравнивания интересов и достижения компромисса, за счет целерационального выбора средств, морального обоснования и проверки на юридическую связность» (Habermas, 2000:299).

Рискнем предположить, что концепция делиберативной политики и делиберативной демократии также относится к результатам технологизации управления и руководства, являясь в то же самое время важнейшим ее элементом. Делиберация (обсуждение, рассуждение, согласование) выступает в данной гуманитарной технологии тем самым ферментом, который превращает «правление» в «управление» или «господство» в «руководство». Таким образом, делиберативная демократия, будучи гуманитарной технологией стандартизации, позволяет

осуществлять не руководство зависимыми, а управление взаимозависимыми, превращая государство из хозяина в партнера. Собственно технологическим здесь является распространение органически присущих делиберативному типу демократии целей и средств на все случаи принятия важных решений, имеющих правовое, моральное и административно-управленческое измерения (Ророва, 2015).

Описанное выше управление генетическими исследованиями, как и их правовое регулирование на основе принципов делиберативной демократии, может показаться менее эффективным, но это первое впечатление является абсолютно ошибочным. Более того, в молекулярную эру оно представляется абсолютно безальтернативным. Прежние формы правового регулирования и государственного управления независимо от того, подчиняются ли первые вторым, как это происходит в тоталитарных государствах или же когда первые подчиняют себе вторые, как это присуще традиционным демократиям, вступают в противоречие с развитием генетических технологий в силу ряда существенных особенностей последних. Традиционное применение закона не просто тормозит, но и останавливает естественный ход генетических исследований, в то время как столь же традиционное управление превращается в неуправляемый драйвер, заставляющий исследователей выбирать между стремлением скрытно обойти закон и необходимостью явно его проигнорировать.

Биоэтика в системе правового и административного регулирования

В чем состоит новизна и инновационность биоэтики, отделяющая ее от иных отраслей частнонаучного знания, а также от специальных философских дисциплин? Только ли в пресловутой междисциплинарности? И является ли она прямым продолжением классической или традиционной этики, развернутой в конкретной области человеческой деятельности или, что по сути то же самое, спроецированная на иную область научного знания? Вопрос этот остается дискуссионным, как остается дискуссионным и вопрос о причинах возникновения биоэтики. Одни видят в рождении нового знания ответ на появление новых угроз, связанных с бурным развитием биотехнологий, другие связывают ее появление с изменением отношения человека к самому себе (Meshcheryakova, 2010: 90).

Между тем все это составляющие одного и того же процесса. Человек увидел и ощутил себя по-новому в тот час, когда его тело, его самочувствие, его здоровье, наконец, все его будущее стало зависимым от решений врачей и от его собственных решений, принимаемых в условиях высокой неопределенности, создаваемой применением новейших биомедицинских технологий.

Не менее важным в понимании того, чем в действительности является биоэтика, необходимо произвести более тщательную рационально-историческую реконструкцию обстоятельств, сопровождавших ее появление. «Биоэтика началась и развивается путем анатомирования “казусов”, — пишет П.Д. Тищенко, — отдельных событий из жизни биомедицины, ставших предме-

том серьезных публичных обсуждений. Причем точно так же, как и врач, профессиональный философ (богослов) выступает на сцене этих обсуждений в качестве привилегированного свидетеля истины, которая, в принципе, ненаблюдаема профанным взглядом» (Tishchenko, 2001). Действительно, в прежние времена практикующему врачу за редким исключением не было необходимости обсуждать что-то из своей практики ни с богословом, ни с каким иным философом. Их контакт ограничивался пространством теоретического знания, которое создавали философы и которое формировало у врача целостное мировоззрение, частью которого являлась система ценностей и т.п.

Вплоть до середины XX века всего вышеназванного вполне хватало для того, чтобы у постели больного доктор принял взвешенное решение, правильно оценив соотношение своих действий с границами своей компетенции и врачебного долга. Но после очередной технической революции, повлекшей за собой радикальные преобразования в образе жизни человека и его мысли, ситуация в корне изменилась. Хирургическое вмешательство и лекарственная терапия прошлых дополнилось и усилились такими техническими средствами, а также технологическими устройствами, которые позволили не только расширить возможности врача, но и сделать человека значительно более зависимым от техники и технологии. Одновременно с этим на смену относительной гомогенности европейского и североамериканского обществ пришли мультикультурализм и полиэтничность, конфессиональное и ценностное многообразие. Отчасти это стало результатом глобализации с ее неконтролируемой миграцией, а также с вестернизацией традиционных обществ Востока и Юга. Но во многом это было обусловлено процессами социальной индивидуализации в самих западных обществах, члены которых, только-только адаптировавшиеся к требованиям модерна, внезапно ощутили себя в ситуации постмодерна.

В итоге в этом новом мире для каждого индивида оказываются существенными не какие-то целостные религиозные традиции или мировоззренческие позиции, отстроенные лишь на уровне теории. На смену им в повседневности приходят сложные и гетерогенные образования, в которых социальные образцы соседствуют с этическими нормами, а поведенческие стандарты с религиозными предписаниями. Все это хаотическое нагромождение не только не поддается какой-либо систематизации, но и не подвергается сколь-нибудь последовательной рефлексии. Каждый индивид в современном обществе может посредством индивидуализированного дискурса выстроить *ad hoc* свою собственную систему координат, в которой будет лишь изредка задумываться о соответствии религиозной или иной традиции. Биоэтика возникла как вид совместной работы, направленной на придание моральной связности и рациональной структурности решениям, которые принимают врачи, чтобы минимизировать риск конфликта с пациентом, законом, моралью или религией, не говоря уж о конфликте врачей друг с другом.

Как известно, термин «биоэтика» был предложен американским биохимиком и онкологом Ван Р. Поттером, который считал, что человечество остро нуждается в новой «мудрости», которая позволила бы ему выжить в изменившихся условиях, а также улучшить качество сохраненной жизни. Новое знание Ван Р. Поттер называет «знанием о том, как использовать знание». Существенным его отличием от прежнего знания, главным достоинством которого считались объективность и универсализм, состоит в том, что оно должно быть органически соединено с ценностями. «Я считаю, — пишет Ван Р. Поттер, — что эта наука должна строиться на знании биологии и в то же время выходить за границы ее традиционных представлений; включать в сферу своего рассмотрения наиболее существенные элементы социальных и гуманитарных наук, среди которых особое значение принадлежит философии, понимаемой как “любовь к мудрости”» (Potter, 1971:19).

Соединение научного знания в ценностями — задача не очень тривиальная, особенно если учесть, что вся новоевропейская наука выросла на идеалах абсолютной изоляции знания, полученного опытно-экспериментальным путем и опирающегося на факты. И если факты были и остаются «вещью упрямой», знание о которых не может и не должно сколь-нибудь существенно изменяться со временем, то ценности органически связаны с эпохой, культурой, религией, внутренними убеждениями. И в западной, и в отечественной философии появились концепции социокультурной детерминированности научного познания, а затем возник интерес к переходным формам знания, без которых никакие фундаментальные открытия не могут быть использованы на практике и тем более положены в основу технологий (Stepin, 1992; Latour, 1997; Funtowicz, Shepherd, Wilkinsoon, Ravetz, 2000).

Переходные формы научного знания сами по себе рожают и новые стандарты самой научности, усложняя представления о ее идеалах. Способы оперирования знанием могут так сильно отличаться от технологий его получения, что само знание, его структура и содержание подвергается существенным трансформациям. «Принципиально важные для инновационного развития знания, — отмечает П.Д. Тищенко, — создаются не только в научных лабораториях, но и в сложной сети социальных субъектов, каждый из которых не просто пассивно воспринимает научные знания, но и переводит их на язык своей специфической практики, производит свое особое знание-умение. Тем самым производство знаний выходит за рамки дисциплинарно организованного научного сообщества, становится трансдисциплинарным или социально распределенным» (Tishchenko, 2012:20).

Так рождается новое отношение к знанию. Фактически знание становится ресурсом, пользоваться которым может только общество, достигшее определенного состояния в ходе его исторической эволюции. Такое общество называется обществом знания, ему соответствуют обновленные формы управления и права. Схема производства и функционирования знания, доставшаяся нам от

классической эпохи, навсегда ушла в прошлое. Согласно этой схеме знание создается теоретиками в своих кабинетах, а затем его проверяют экспериментаторы в стенах своих лабораторий.

Еще более архаично выглядит модель использования научного знания, относящаяся к той же исторической эпохе. Долгое время казалось очевидным, что «производственники» применяют результаты научных открытий на практике — они внедряют полученные знания, создавая новые технические устройства. На основе новой техники разрабатываются столь же новые технологии. Сегодня научные знания из разрозненных предметов владения превращаются в объекты управления. Их производители объединяются в единое целое с потребителями, что позволяет говорить о рождении нового явления — протребителей (*professional* либо *producer + consumer*). Так технологии способствуют перераспределению некоторых важных концептуальных оппозиций, в том числе и относящиеся к сфере знания. Так, например, теряют свой первоначальный смысл дихотомии: «природное — социальное», «старое — новое», «теоретическое — прикладное», «техническое — фундаментальное» и др. И, что особенно важно, интеграции подвергаются дифференцированные прежде отрасли человеческой деятельности, такие как право, управление и философия.

Этический комитет — гибрид философии, управления и права

Существуют данные о месте и времени появления первого этического комитета, который взял бы на себя ответственность за решение, исполнение которого может привести в будущем к разнообразным и недостаточно прогнозируемым последствиям. Исполнение такого решения чревато правовыми последствиями, что невольно превращает этический комитет в субъект нормотворчества и правоприменения, потому что он наделяется полномочиями в принятии решения о способе лечения больного в случаях, когда такое решение не может принять ни лечащий врач, ни медицинский консилиум. В его компетенцию входит разрешение как моральных, так и правовых коллизий, что превращает его в институт, соединяющий в себе функции и компетенции, ранее распределенные институционально и четко разделенные между врачами, правоведами, философами, администраторами и общественностью (Yudin, 2018).

Соединить в рамках одного института то, институциональная дифференциация чего считалась несомненным признаком модерна и достижением цивилизации, не может не вызывать вопросов. Но еще больше вопросов вызывает превращение этического комитета в обычный инструмент администрирования, который опирался бы на экспертные оценки врачей, правоведов или философов, что нередко происходит на практике. Эксперты дают оценки в рамках своих компетенций, а сконцентрировавший в своих руках власть администратор принимает решение с учетом экспертных прогнозов и заключений (Pronin, Yudin & Sineokaya, 2017).

Хельсинская декларация в 1975 году в Токио провозгласила этические принципы «проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта, в том числе исследований биологических материалов или данных, допускающих идентификацию лица, от которого они были получены»¹. Эти принципы предназначались для активно функционирующих в США и Западной Европе этических комитетах, призванных решать моральные вопросы, выходящие за рамки профессиональной компетенции врачей.

Десятилетием ранее, в 1962 году в больнице города Сизтла врач, при использовании одного из первых в мире аппаратов «искусственная почка», неожиданно осознал, что если нельзя предоставить спасительное лечение всем нуждающимся, выбор того, кто будет подключен к хроническому гемодиализу, фактически означает выбор того, кому будет продлена жизнь. И ему, и окружающим стало ясно, что выбор должен осуществляться не индивидом — решение обязательно должно быть коллективным. То, что назовут первым этическим комитетом, изначально замышлялось как «особая гражданская структура», способная взять на себя ответственность для трудного решения. Не случайно в его состав были включены не только врачи, но и юристы, философы и даже священники.

Важную роль в функционировании специально созданного комитета выполнила не входившая в число его членов журналистка, обеспечившая участие широких слоев общественности в обсуждении возникающих коллизий. Это позволило П.Д. Тищенко и Б.Г. Юдину выдвинуть тезис об особой роли СМИ в том, чтобы этические комитеты не превращались в заформализованные бюрократические структуры, а биоэтика могла эффективно взаимодействовать с институтами управления и права. Другими словами, биоэтика немислима вне общества, которое одновременно является и информационным, и гражданским. А значит, «те технологии, которые порождают современные биологические и медицинские науки, очень часто отнюдь не диктуют человеку, что ему надлежит делать в той или иной ситуации. Эксперты, представляющие эти науки, могут объяснить ему, как грамотно применить ту или иную технологию, могут квалифицированно провести соответствующее медицинское вмешательство, но вопрос о том, применять ли ее, должен решать сам человек, что называется, простой человек “с улицы”» (Tishchenko & Yudin, 2011:9).

Интересен вопрос о том, каковы компетенции того, кто может быть приглашен в качестве эксперта при решении этических вопросов. Казалось бы, этим экспертом должен быть специалист в области моральной философии или философской этики. На самом же деле ситуация гораздо сложнее. Усвоение идеи, лежащей в основе самого появления биоэтики, оказалось делом трудным даже для тех, кто сам претендует на роль эксперта в этой области. Нередко среди философов и юристов можно встретить сторонников идеи перенесения

¹ Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации. Доступно: http://rostgmu.ru/wp-content/uploads/2014/12/WMA_Helsinki.pdf (дата обращения: 13.10.2020).

неких теоретических положений или общих норм в сфере законодательства, регулирующего деятельность медицинских работников. Р.Г. Апресян приводит пример обсуждения проекта этического кодекса депутата в одном из региональных законодательных собраниях. При этом он отмечает непрозрачность процедуры разработки документа, а также неясность общественно-значимых целей его появления. Делясь подозрениями об исключительно бюрократическом способе формирования этого и ему подобных этических кодексов, Р.Г. Апресян отмечает, что данный документ в случае его принятия способен поднять в глазах простых избирателей пошатнувшуюся репутацию депутатов и способствовать возвращению доверия всему институту законодательного собрания. При этом сама разработка документа не потребовала участия в нем приглашенных экспертов — главным разработчиком выступил заместитель председателя комиссии по регламенту, имевший докторскую степень и профессорское звание, но не имевший ни стажа исследовательской работы, ни иных признаков, позволявших отнести его к числу экспертов. Как замечает Р.Г. Апресян, «работник аппарата простодушно заметила, что этическая сторона депутатской деятельности ясна и отражена во многих документах, регламентирующих деятельность депутата. Так что перед разработчиками стояла задача сбора в одном документе норм и положений, уже имеющихся в других документах, к тому же, она с гордостью добавила, что они изучили всю литературу по вопросу...» (Apresyan, 2012:108).

В медицинских учебниках и учебных пособиях можно найти указания на то, что этические комитеты являются независимыми, но при этом подчеркивается, что их решения выполняют консультативную функцию и носят рекомендательный характер. Более того, они создаются решением администрации и о фактической их независимости говорить не приходится. Выстраивается иерархическая система этических комитетов: комитеты при федеральном и региональных министерствах наделены правом контролировать деятельность комитетов, созданных при больницах, исследовательских центрах и институтах. Но тогда возникает вопрос о возможности того самого высокотехнологичного регулирования генетических исследований, который предлагается в концепции трех новейших гуманитарных технологий стандартизации. Гуманитарное начало здесь вновь растворяется в стихии социального, а социальное редуцируется до административно-бюрократического.

Заключение

Одним из самых больших вызовов, несомненно, является вызов технологический. И, как показало развитие современных обществ, этот вызов имеет не только технико-технологическое, но и социальное, гуманитарное и даже антропологическое измерение. Его решение видится в создании гибкой системы правового регулирования, способной поставить под надежный контроль инновации, не тормозя при этом развитие творческой мысли.

Область научного и технологического развития современных обществ, в которой вызов проявляется особенно остро — это область генетических исследований. Современные общества, называющие наступившую эпоху молекулярной, столкнулись с отсутствием традиционных институциональных инструментов, которые смогли бы эффективно регулировать развитие специальных знаний в области генетики. Потребность в создании новой системы регулирования, ее легализации и институционализации продиктована необходимостью наращивания темпа и эффективности генетических исследований, с одной стороны, и следования ценностям, — с другой. Социальные или гуманитарные технологии, без которых невозможна модернизация системы регулирования генетических исследований, не должны нарушать права человека, их воздействие не должно противоречить нормам, закрепленным в конституции, они не должны ставить под сомнение традиции и ценности, без которых невозможно существование самой цивилизации.

Само по себе законотворчество, как и осуществляемое на его основе судопроизводство, сохраняет свой регулятивный функционал, но к этой традиционной регулирующей инстанции добавляются управление типа *governance* и биоэтика, представляющие собой равноправные элементы системы регулирования генетических исследований. Все три области с технологической точки зрения занимаются производством знания и контролем над его применением, в том числе и в области генетики. Поэтому их институционализация и легитимация, пока еще носящая фрагментарный и не всегда взаимно согласованный характер, жизненно необходима для решения названной проблемы. Таким образом, нормотворчество, управление типа *governance* и биоэтика лишь в сочетании друг с другом обеспечивают принятие необходимых решений и вынесение обоснованных суждений.

Традиционные модели коллективного принятия управленческих решений, подразделяющее всех его участников на управленцев-модераторов, правоохранителей и экспертов, не соответствуют требованию времени, как не соответствует ему и соединение в одном лице управленца и эксперта, независимо от наличия у последнего соответствующих дипломов или опыта работы в соответствующем каждой роли качестве. Разделение ролей должно соответствовать разделению функций точно так же, как, например, это предусмотрено в судопроизводстве или процедуре публичной защиты научной степени и т.д. Нет сомнения в том, что сегодня создать подобную систему чрезвычайно трудно, но только такая система смогла бы решить обе задачи регулирования генетических исследований: содействовать, а не их препятствовать проведению, но при этом сделать данные вид исследовательской активности максимально безопасным. Но для этого наряду с микробиологическими и компьютерными технологиями должны разрабатываться и новые социальные или гуманитарные технологии.

Библиографический список / References

- Apresyan, R.G. (2012) Ethical Review: Agent, Subject, Procedures. In: Bakshantovsky, V. & Novoselov, V. (eds.). *Applied Ethics: Expertise. Experts Potential. Semestrial Papers of Applied Ethics*. Issue 41. Tyumen, Applied Ethics Research Institute Publ. 105–122. (in Russian).

- Апресян Р.Г. Этическая экспертиза: агент, предмет, процедуры // Прикладная этика: экспертный потенциал. Ведомости прикладной этики. Вып. 41 / под ред. В. И. Бакштановского, В. В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. С. 105–122.
- Belkina, G.L. & Korsakov, S.N. (2008) I.T. Frolov and the Formation of Domestic bioethics. In: *Bioethics and humanitarian expertise*. Issue 2. Moscow, IP RAS Publ. pp. 18–54. (in Russian).
- Белкина Г.Л., Корсаков С.Н. И.Т. Фролов и становление отечественной биоэтики / Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2008. С. 18–54.
- Bostrom, N. (2016) *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford University Press, Oxford.
- Funtowicz, S., Shepherd, I., Wilkinsoon, D. & Ravetz, J. (2000) Science and Governance in the European Union: a Contribution to the debate. *Science and Public Policy*. 27(5), 327–336.
- Habermas, J. (2000) *The Inclusion of the Other: Studies in Political Theory*. In: Cronin, C.P. & De Greiff, P. (eds.). From Series: Studies in Contemporary German Social Thought. The MIT Press.
- Jasanoff, S. (2004) *States of knowledge: the co-production of science and the social order*. London, Routledge.
- Latour, B. (1987) *Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers*. Cambridge Massachusetts, Harvard University Press.
- Latour, B. (1998) From the world of science to the world of research? *Science*. (280)5361, 208–209. Available from: <http://www.ub.edu/prometheus21/articulos/obsprometheus/Latour208.pdf>. [Accessed 11th November 2020].
- Marelli, L., Lievevrouw, E. & Van Hoyweghen, I. (2020) Fit for purpose? The GDPR and the governance of European digital health. *Policy Studies*. 41(5), 1–21.
- Meshcheryakova, T.V. (2010) The reasons for the emergence of bioethics. *Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 4 (12), 90–100. (in Russian).
- Мещерякова Т.В. Причины появления биоэтики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 4 (12). С. 90–100.
- Nowotny, H. & Testa, G. (2010) *Naked genes: rethinking the human in the molecular age*. The MIT Press.
- Popova, O.V. (2015) Biotechnological construction of artificial — natural: social context. *Knowledge. Understanding. Skill*. (2), 161–171. (in Russian).
- Попова О.В. Биотехнологическое конструирование искусственного — естественно-го: социальный контекст // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 161–171.
- Potter, V.R. (1971) *Bioethics: Bridge to the future*. Englewood Cliffs, N. J. Prentice-Hall.
- Pronin, M.A. (2015) *Virtualistics in the Institute of Human studies of the Russian Academy of Sciences*. Moscow, IF RAN Publ. (in Russian).
- Пронин М.А. Виртуалистика в Институте человека РАН. М.: ИФ РАН, 2015. 179 с.
- Pronin, M.A., Yudin, B.G. & Sineokaya, Yu.V. (2017) Philosophy as Expertise. *The Philosophy Journal*. 10(2), 79–96. Doi: 10.21146/2072-0726-2017-10-2-79-96. (in Russian).
- Пронин М.А., Юдин Б.Г., Синеокая Ю.В. Философия как экспертиза // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 2. С. 79–96. Doi: 10.21146/2072-0726-2017-10-2-79-96.
- Ravetz, J. R. & Funtowicz, S.O. (1999) Post-normal, Science: an Insight Now Maturing. *Futures*. 31(7), 641–646.
- Ravetz, J.R. (1993) Science for the Post-Normal Age. *Futures*. 25(7), 735–755.
- Regalado, A. (2018) Chinese scientists are creating CRISPR babies. *MIT Technology Review*. Available from: <https://www.technologyreview.com/2018/11/25/138962/exclusive-chinese-scientists-are-creating-crispr-babies/> [Accessed 19th November 2020].
- Stepin, V.S. (1992) *Philosophical anthropology and philosophy of science*. Moscow, Higher school Publ. (in Russian).
- Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. 191 с.

- Stepin, V.S. (2000) Self-developing Systems and perspectives of Technogenic Civilization. In: Arshinov, V.I., Budanov, V.G. & Voitsekhovich, V.E. (eds.). *Synergetic paradigm. Diversity of searches and approaches*. Moscow, Progress-Tradition Publ. pp. 107–120. (in Russian).
Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и перспективы техногенной цивилизации // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов / Отв. ред. В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 536 с. С. 107–120.
- Tishchenko, P.D. (2001) *Bio-power in the era of biotechnology*. Moscow, IP RAS Publ. (in Russian).
Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. М.: ИФ РАН, 2001. 177 с.
- Tishchenko, P.D. (2012) Convergence of biological, informational, nano- and cognitive technologies: a challenge to philosophy (materials of the “round table”). *Problems of Philosophy*. (12), 3–23. (in Russian).
Тищенко П.Д. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 3–23.
- Tishchenko, P.D. & Yudin, B.G. (2011) *Bioethics and journalism*: Moscow, Adamant Publ. (in Russian).
Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Биоэтика и журналистика: М.: Изд-во «АдамантЪ», 2011. 128 с.
- Torres-Padilla, M.-E., Bredenoord, A.L., Jongsma, K.R., Lunkes, A., Marelli, L., Pinheiro, I. & Testa, G. (2020) Thinking “ethical” when designing an international, cross-disciplinary biomedical research consortium. *The EMBO Journal*. 39(19), e105725.
- Yudin, B.G. (2018) How did bioethics start in Russia: Interview with B.G. Yudin. Donskikh O.A., interviewer. *Ideas and Ideals*. 1(2(36)), 64–74. Doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-64-74. (in Russian).
Юдин Б.Г. Как начиналась биоэтика в России. Интервью с Б.Г. Юдиным // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1. № 2 (36). С. 64–74. Doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-64-74.

Об авторе:

Пржиленский Владимир Игоревич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА); 123995, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая — Кудринская, д. 9

ORCID ID: 0000-0002-5942-3732; SPIN-code: 7170-3995

e-mail: viprzhilenskij@msal.ru

About the author:

Vladimir I. Przhilenskiy — Doctor of Sciences (Philosophy), Full Professor, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); 9 Sadovaya — Kudrinskaya str., Moscow, 123995, Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-5942-3732; SPIN-code: 7170-3995

e-mail: viprzhilenskij@msal.ru